

Гуань Хань последовала её примеру и остановилась .

Цинь Инун потерла брови и в замешательстве сказала:

— Не лучше ли было бы не произносить последнее предложение?

Гуань Хань ответила неопределенно:

— Это...

Она не осмелилась высказать своё мнение.

Цинь Инун приняла собственное решение:

— Не нужно было произносить последнее предложение.

— Да.

Всего в двух строках Цинь Инун снова и снова меняла формулировку.

Закончив печатать, Гуань Хань осторожно обратилась к Цинь Инун. Цинь Инун кивнула, и она нажала кнопку отправки, спросив:

— Что-нибудь ещё?

Цинь Инун покачала головой и встала, опираясь на диван. Хотя она была в тапочках и сидела недолго, её тело слегка покачивалось. Гуань Хань вытянула руку в воздух, и Цинь Инун встала, держась за спинку дивана.

— Хотите фруктов? - Спокойно спросила Цинь Инун, словно вопрос с Тан Жояо был решён.

— Мне просто нужно попить воды, - Гуань Хань быстро взяла стакан с водой обеими руками и сделала глоток.

Гуань Хань пришла в ужас при мысли о том, чтобы попросить Цинь Инун или её мать лично разрезать для неё плод.

— Тогда забудь.

Цинь Инун не стала её больше уговаривать. Она опустила веки, и первоначальная радость возвращения домой испарилась. Она вяло поднялась по лестнице.

— Я переоденусь. Если что-то понадобится, найди тётю Фан.

Гуань Хань коротко ответила из-за её спины:

— Я знаю.

С другой стороны, Тан Жояо схватила свой телефон в тот самый момент, когда загорелся экран.

[Сестра Цинь очень занята и пока не может о тебе позаботиться. Она сказала, что тот, кто тебя ударил, должен получить сдачи, а она будет отвечать за последствия.]

Тан Жояо на мгновение замолчала, затем скривила уголки губ и рассмеялась над собой.

Её щёки вспыхнули, и в её сердце внезапно возникло чувство смущения и унижения.

Что она сделала чуть больше десяти минут назад? Она опубликовала фотографию, где её бьют, на странице WeChat Moments, доступной только Гуань Хань, надеясь привлечь внимание. Даже если над питомцем издеваются, Цинь Инун, как её владелица, наверняка захочет проверить её травмы, верно? Может быть... она придёт к ней? В крайнем случае, она попросит Гуань Хань проверить её, верно?

Она опустила очень низко, почти прижалась к пыли, лишь для того, чтобы вымолить у Цинь Инун сочувственный взгляд.

Даже если бы она мимоходом спросила её, как его раны и зажило ли его лицо, Тан Жояо не сочла бы это иронией.

Улыбка на его губах стала шире и холоднее. Тан Жояо закрыла глаза, нажала на «Моменты» и удалила публикацию.

Сообщение в диалоговом окне было кричащим, словно каждое слово остро напоминало ей о её самомнении и самоуничижении. Сердце слегка кольнуло, гораздо сильнее, чем пощёчина, которую нанесла ей Жуань Цинь.

Тан Жояо долго нажимала на поле сообщения, и появилась кнопка удаления. Кончики его пальцев зависли над ним, и в глазах промелькнуло желание. В конце концов, она не решилась удалить сообщение и ответила: [Хмм]

Тан Жояо захотелось дать отпор, но это было лишь мгновение, и теперь всё кончено. Она совершенно не заботилась о Жуань Цинь и смирилась со своей участью.

Мать Тан Жояо умерла молодой, а отец снова женился. Она рано повзрослела и была тихой, не принимая чужие слова близко к сердцу. Отец обожал её, а мачеха поначалу относилась к ней хорошо из уважения к отцу. Позже, когда у них родился ещё один ребёнок, положение Тан Жояо в семье стало непростым. Отец по-прежнему любил её, но такую же любовь он дарил и второму ребёнку. Это изменило отношение мачехи. Хотя она и не нападала на неё открыто, за кулисами она неизбежно говорила обидные вещи.

Семья Тан Жояо была обычной, не бедной, но она хотела учиться актёрскому мастерству. Обучение в художественных школах требовало значительных затрат, не говоря уже о первоначальных вложениях. Отец работал один, и, имея на руках четверых, один из которых был плачущим младенцем, она тратила на неё больше, чем на мачеху и младшего брата. Пользуясь отсутствием отца, мачеха громко ругала чью-нибудь дочь, называя её обузой, и кричала так громко, что соседи слышали. Она обнимала своего запеленатого младшего брата и плакала:

— Мама, прости, у тебя даже нет денег на молочную смесь!

А потом смотрела на Тан Жояо, молча выполнявшую свои обязанности, и сокрушалась, что попала в эту семью.

На самом деле, Тан Жояо начала работать неполный рабочий день очень рано. Она выходила на работу во время зимних и летних каникул, и это позволяло ей в основном оплачивать обучение и прочие расходы. Иногда у неё даже оставалось немного денег, и она отдавала их

семье.

Она привыкла к сплетням и давно научилась их игнорировать. Когда Жуань Цинь насмеялась над ней, Тан Жояо казалась сосредоточенной, но на самом деле была в основном рассеянной. Даже если её слова доходили до её ушей, они не доходили до её разума. Она знала, почему Жуань Цинь расстроена, и даже понимала её. Она была готова дать ей выход своему гневу. Это было не так уж важно, всего несколько слов. Она также знала, что Жуань Цинь не сможет сдержаться под натиском Цинь Инун, поэтому не стала обращать на это внимания.

Тан Жояо прижала руку ко лбу, мысли были в смятении. Она с силой нахмурила брови, пытаясь отогнать воспоминания.

Она пошла на кухню и приготовила себе простой, низкокалорийный обед, затем включила телевизор и включила канал документальных фильмов. Это была привычка Цинь Инун, и она неосознанно повлияла на неё. Цинь Инун пришла в актёрский коллектив поздно, без формального образования, и у неё было много уникальных идей и методов актёрского мастерства, которым не научишь в академиях.

Шторы в гостиной были задернуты, светился только экран телевизора. Взгляд Тан Жояо был сосредоточен, её лицо то освещалось, то погружалось во тьму.

Услышав шаги на лестнице, Гуань Хань подняла голову. Цинь Инун переоделась в повседневную домашнюю одежду: длинные волосы были свободно закинута назад, свободную длинную футболку, белые шорты и тапочки. Из-за её высокого роста шорты прикрывали только ноги, и на первый взгляд она увидела только её ноги, настолько белые, что отражали свет.

Гуань Хань ещё раз взглянула на длинные ноги, прежде чем отвести взгляд и привычно проверить время на часах на левой руке.

Чтобы добраться туда, потребовалось меньше пяти минут.

Гуань Хань едва заметно прищурилась, думая, что Цинь Инун хочет что-то сказать, и выпрямилась.

— У тебя ещё осталась мазь, которой я пользовалась в прошлый раз?

Цинь Инун подошла к ней и сказала что-то без всякого контекста.

Гуань Хань на мгновение задумалась, а затем поняла, что происходит. Она спросила:

— Этим пользовались во время съёмок фильма «Переправа через реку»?

В этом фильме была сцена с пощёчиной, и именно Цинь Инун получила пощёчину. Её партнёром по съёмочной площадке был ветеран, и они избивали друг друга изо всех сил, отчего лицо Цинь Инун распухло. Гуань Хань каким-то образом удалось раздобыть очень эффективную мазь, и отёк быстро прошёл.

Цинь Инун кивнула:

— Вот этот.

— Да, - Гуань Хань слегка нахмурилась, - Но я его не принесла.

Даже если она дотошна и расчётлива, это же не значит, что она носит с собой мазь от отёков, верно? Раньше это было сложно сказать, но теперь любой, кто осмелится дать пощёчину Цинь Инун, наверняка старик, уставший от жизни.

Цинь Инун едва заметно нахмурилась и спросила:

— Где?

Гуань Хань честно ответила:

— У меня дома.

Сказав это, Гуань Хань вдруг почувствовала нехорошее предчувствие в сердце.

Цинь Инун просто молча посмотрела на неё, не говоря ни слова.

Умный помощник Гуань поняла, чего она не сказала, и молча пролила несколько горьких слезинок.

— Тогда я сейчас принесу, - Сказала Гуань Хань. Она ещё не обедала.

— Ты ещё не обедала, - Сказала Цинь Инун, словно услышав её сердце.

Глаза Гуань Хань неизбежно загорелись.

Она так долго сидела в гостиной, что уже чувствовала аромат, доносившийся из кухни. Цзи Шулань была превосходной кулинаркой, а приготовленный ею суп из чёрной курицы был наваристым и ароматным, что возбуждало аппетит.

Затем она увидела, как Цинь Инун наклонилась, взяла большое красное яблоко из вазы с фруктами на журнальном столике и положила его ей в руку.

Гуань Хань: ...

Вы согласились принять её как гостью!

Цинь Инун поняла, что была неправа, и подозрительный румянец залил её светлые щёки. Она неловко подняла руку, чтобы зацепить длинные волосы за ухо, избегая взгляда, и спокойно сказала:

— Поторопись.

Гуань Хань взяла яблоко и ушла.

Цзи Шулань вышла из кухни. В гостиной по телевизору показывали документальный фильм ВВС. Увидев, что на диване сидит только Цинь Инун, она удивлённо спросила:

— А где Сяо Гуань?

Цинь Инун спокойно сказала:

— Она ушла первой из-за чего-то.

Цзи Шулань взяла вещи и, не раздумывая, пошла обратно, бормоча себе под нос:

— Уже пора ужинать. Куда ты торопишься? Зачем тебе так торопиться домой?

Цинь Инун слушала Цзи Шулань до конца, её веки были полузакрыты, а уши неконтролируемо горели.

Она кашлянула, сделала глоток воды и заставила себя сосредоточиться на телевизоре перед собой.

Семья Цинь была небольшой, и на ужине присутствовали только Цзи Шулань и Цинь Инун. Цинь Инун вышла и втащила тётю Фан в дом. Тётя Фан попыталась отказаться, но Цинь Инун крепко схватила её за плечи обеими руками и прижала к сиденью.

Тётя Фан всё ещё боролась.

Цзи Шулань сказала:

— Просто пойдём с нами.

Тётя Фан пошевелила губами, желая что-то сказать, и пристально посмотрела на Цзи Шулань. Цзи Шулань успокаивающе посмотрела на неё.

Тётя Фан молча села.

Тётя Фан раньше была соседкой Цзи Шулань. Её муж рано умер, а дочь вышла замуж, поэтому она жила одна. Они часто общались. После того, как Цинь Инун поселила здесь Цзи Шулань, она наняла тётю Фан няней и чтобы та составляла компанию Цзи Шулань.

Прежде чем тётя Фан успела отреагировать, Цинь Инун быстро подала еду троим людям и торжествующе улыбнулась.

За столом было тихо.

Для актрис, которые строго следят за своей фигурой, понятие голода заключается не в том, насколько они голодны, а в том, насколько они сыты. Цинь Инун почувствовала, что сыта лишь наполовину, поэтому отложила палочки и обеспокоенно спросила Цзи Шулань:

— Ниннин хорошо адаптируется в детском саду?

Автору есть что сказать:

Малый театр:

Гуань Хань (дрожащим голосом держа яблоко): Мне даже не удалось пообедать семьей Цинь. Мой куриный суп...

Тан Жояо (вздыхает): Я никогда этого не ела, по крайней мере, ты это уже пробовала.

Гуань Хань (закатывая глаза): Но ты можешь съесть свою сестру.

<http://bllate.org/book/14118/1241705>